

К ОБЛОЖКЕ ЖУРНАЛА

© В.В. КРЫЛОВ, 2013

ЖИВОПИСЕЦ БОРИС КУСТОДИЕВ. БОЛЕЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО*В.В. Крылов*

Бориса Михайловича Кустодиева по праву называют самым жизнерадостным среди русских живописцев XX века, а также художником счас-

Рис. 1. Б.М. Кустодиев, автопортрет (на охоте), 1905 г.
Fig. 1. V.M. Kustodiev, self-portrait (during hunting), 1905 year.

Рис. 2. Б.М. Кустодиев, автопортрет, 1912 г.
Fig. 2. V.M. Kustodiev, self-portrait, 1912 year.

тья. Им написаны темпераментные картины народных гуляний, воссоздающие радость бытия.

Но Б.М. Кустодиев известен и как портретист — им написаны портреты людей, прославивших Россию, — Ф.И. Шаляпина, А.В. Шусева, И.Я. Билибина, И.Е. Репина, В.В. Матэ, М.В. Добужинского, Д.Л. Мордовцева, М.А. Волошина, С.Ю. Витте, П.Л. Капицы и др.

Судьба художника связала его и с именами ученых, стоявших у истоков современной неврологии и нейрохирургии, — Г. Оппенгеймом, О. Ферстером, Э.А. Гизе, В.В. Крамером, Г.Ф. Цейдлером, Л.А. Стуккеем и др. Всех их свела вместе болезнь художника.

Б.М. Кустодиев родился 7 марта 1878 г. и умер 26 мая 1927 г., не дожив до 50 лет.

Изучение творчества художника, тематики и колорита его живописи позволяет предположить их опосредованную взаимосвязь с тяжелой болезнью, которая развилась у Б.М. Кустодиева в зрелые годы.

Первые симптомы болезни появились осенью 1909 г. во время путешествия по Европе. Сначала появилась боль в руке, которую художник объ-

Рис. 3. Б.М. Кустодиев. Портрет Петра Капицы и Николая Семенова, 1921 г.
Fig. 3. V.M. Kustodiev. Peter Kapitsa and Nikolay Semenov's portrait, 1921 year.

яснял переутомлением. Боль носит интенсивный характер, появляется по утрам, локализуется в области лопатки и локтя. Иногда художник просыпается из-за боли: «Страдаю очень, особенно по утрам. Подлая рука моя болит всюю и вместо улучшения — с каждым днем чувствую себя хуже и хуже». Не помогает даже работа, и Кустодиев обращается к неврологу Эрнесту Августовичу Гизе. Э.А. Гизе заподозрил заболевание позвоночника и плечевого сустава и направил пациента на рентгенологическое обследование. Далее Б.М. Кустодиев пишет: «Начал лечить свою руку, но улучшения не вижу — напротив, боль адская, и я полдня хожу как настоящий рамолик. Конечно, ничего не работаю, настроение возмутительное по этому случаю. Еще месяц прописанного лечения, а я не верю, что будет лучше».

Известно, что в 1911 г. с мая по сентябрь художник находился в Швейцарии, где лечился в клинике доктора Ролье в высокогорном курорте Лейзене, недалеко от Лозанны, с диагнозом «костный туберкулез». В основе лечения Ролье туберкулеза были лечение солнечным светом и свежим горным воздухом. Первичный диагноз, который был поставлен Б.М. Кустодиеву, — туберкулез шейного отдела позвоночника. Этот диагноз совпадал с первым предположением петербургских врачей. Художник принимает солнечные ванны, а на шею надевают корсет. Лечение проходит без какого-либо эффекта, о чем свидетельствуют письма М.В. Добужинского А. Бенуа: «Кустодиев сегодня уезжает на шесть недель в Петербург, я его видел вчера. Он очень нездоров и ни на что не жалуется. Обречен носить корсет на шее, что мучительно и безобразно. На зиму он опять возвращается».

Повторно он приехал в Лейзен в ноябре этого же года и всю зиму и начало весны 1912 г. проходил курс лечения. За 9 месяцев лечения эффекта не наступило.

Летом 1913 г. — вновь лечение, но уже во Франции, на берегу Средиземноморья в курортном местечке Жуан Ле Пен, недалеко от Канн. Но не почувствовав улучшения, осенью Б.М. Кустодиев возвращается в Петербург через Италию и Германию. В Берлине его осмотрел невролог Герман Оппенгейм, работавший в Берлинском университете. Г. Оппенгейм был широко известен в России — в 1897 г. на русском языке вышло его руководство по нервным болезням. Обладая обширным медицинским кругозором, работая в различных областях клинической неврологии, Г. Оппенгейм был также широко известен как автор классической работы о миастении, о деформирующей мышечной дистонии, миотонии. Ему принадлежали описания рефлекса поражения пирамидного пути и рефлекса орального автоматизма, синдрома «pseudotabes hypophysialis» и др. Г. Оппенгейм считался превосходным диагностом. После обследования Б.М. Кустодиева Г. Оппенгейм поставил диагноз «опухоль спинномозгового канала»: «У вас никогда никакого костного

туберкулеза не было. Снимите корсет. У вас заболевание спинного мозга, видимо опухоль, нужна операция. Отвезите детей домой и возвращайтесь в Берлин в клинику».

Итак, длительность заболевания (с начала первых симптомов до окончательного диагноза прошло 4 года) и постепенное нарастание клинической картины позволяли предположить развитие у художника доброкачественной опухоли. Б.М. Кустодиеву была предложена операция. До последнего дня перед хирургическим вмешательством Б.М. Кустодиев оставался активным, посещал музеи, что вполне согласуется с диагнозом. В письме к художнику и своему соратнику по «Миру искусства» М.В. Добужинскому он писал: «Завтра ложусь под нож — будет операция, и не знаю, останусь ли жив. Сегодня еду в Kaiser Friedrich Museum насладиться, может быть, в последний раз Веласкесом и нашим любимым Вермеером».

Б.М. Кустодиева прооперировали в ноябре 1913 г. Жена художника писала в письме режиссеру Художественного театра В.В. Лужскому: «Ему сделали 12-го утром серьезную операцию. Вскрыли два первых грудных позвонка и найдено скопление жидкости, как и предполагал проф. Оппенгейм, под оболочкой мозга. Сделана операция доктором Краузе в присутствии проф. Оппенгейма. Прошла она благополучно и сейчас все идет хорошо, доктора довольны. Конечно, он еще страдает, и надо время, чтобы все зажило, но наркоз перенес хорошо... Пальцы руки у него двигаются, так что надеюсь, все придет в порядок...» После операции художник еще несколько месяцев проводит в клинике Г. Оппенгейма.

Итак, операция прошла удачно, хотя врачи предупредили о возможном рецидиве и повторной операции. По приезду в Россию Б.М. Кустодиев принимает активное участие в работе «Мира искусства», в постановках К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Известно также, что он совершал многочасовые прогулки по Москве.

В августе 1914 г., в связи с общей мобилизацией, Б.М. Кустодиев получает медицинское свидетельство о непригодности к медицинской службе — «...академик живописи Борис Михайлович Кустодиев страдал опухолью спинного мозга, подвергся по этому поводу операции в Берлине (проф. Краузе), но до сих пор страдает заболеваниями спинного мозга и поэтому «совершенно не пригоден к военной службе».

Однако уже через 1 год, в 1915 г., появились рецидивы болезни. Е.А. Полевицкая, у которой художник снимал квартиру в Москве, писала: «По ночам он кричал от боли, а за утренним завтраком — до отъезда в театр — рассказывал нам с мужем, что его мучит один и тот же кошмар: черные кошки впииваются острыми когтями в его спину и раздирают позвонки». К концу лета 1915 г. Б.М. Кустодиев ходил уже только с помощью костылей, а работал сидя. В Петербурге он лечился у невропатолога Э.А. Гизе. Это дает основание предполагать рецидив опухоли.

Рис. 4. Фотография Б.М. Кустодиева за работой в мастерской.
Fig. 4. B.M. Kustodiev's photograph during making art in his studio.

В первых числах марта 1916 г. Б.М. Кустодиев начал лечение в клинике Кауфманской общины в Петербурге, которую возглавлял профессор Г.Ф. Цейдлер. Повторную операцию ему выполнил хирург Л.А. Стуккей.

Дочь художника, находившаяся в клинике во время операции, вспоминала: «Наконец вышел профессор и сказал..., что обнаружен темный кусочек чего-то в самом веществе спинного мозга, но подобраться к нему очень трудно. Возможно, придется перерезать нервы, чтобы добраться до опухоли...». Более 7 мес художник продолжал лечение в клинике Г.Ф. Цейдлера. У Б.М. Кустодиева развилась нижняя параплегия, и остаток жизни он был обречен провести в кресле-каталке (рис. 4). В последующие годы неоднократно выезжал на санаторное лечение, но уже под Петербургом — в Сестрорецке и Выборге.

В начале 1923 г. отмечено обострение заболевания, и в ноябре Б.М. Кустодиев приехал в Москву для лечения у В.В. Крамера в хирургической клинике 2-го Московского государственного университета. В конце ноября — начале декабря в Москву был приглашен немецкий профессор

Рис. 5. Фотография врачей, лечивших В.И. Ленина: крайний справа — В.В. Крамер, третий справа — О. Ферстер.
Fig. 5. The photograph of physicians having taken care about V.I. Lenin: the rightmost — V.V. Kramer, the third on the right — O. Ferster.

Рис. 6. Б.М. Кустодиев. Масленица, 1916 г.
Fig. 6. B.M. Kustodiev. Maslenitsa, 1916 year.

О. Ферстер, один из основоположников нейрохирургии. В 1922—1924 гг. О. Ферстер неоднократно приезжал в Россию по приглашению советского правительства и принимал участие в лечении В.И. Ленина (так же, как и В.В. Крамер) (рис. 5). Вероятно, в один из своих приездов в Москву О. Ферстер и был приглашен В.В. Крамером принять участие в лечении Б.М. Кустодиева. К тому времени О. Ферстер, прошедший школу Ж. Дежерина в Париже и К. Вернике в Бреслау, был широко известен как крупнейший нейрохирург и невролог. Научные пристрастия немецкого нейрохирурга, вероятно, также учитывались В.В. Крамером. В декабре 1923 г. О. Ферстер произвел Б.М. Кустодиеву операцию удаления опухоли позвоночного канала.

1925 и 1926 гг. Б. М. Кустодиев провел в активной работе: выезжал в Киев, в Москву, совершил путешествие по Волге — от Рыбинска до Астрахани, принимал участие в постановках спектаклей как художник-декоратор. Сообщений о болевом синдроме, который был отмечен у художника после первой операции, мы не обнаружили.

Б.М. Кустодиев продолжал посещать выставки. Хорошо известно, что в конце жизни он совершил

длительную экскурсию по Эрмитажу. Друзья сделали для него подарок — на мраморную лестницу положили дощатый настил и по нему на руках подняли художника и повезли в музей в кресле-каталке. Много часов Б.М. Кустодиев провел в залах старых мастеров, перед творчеством которых преклонялся.

Советское правительство пыталось помочь Б.М. Кустодиеву. В марте 1927 г. А.В. Луначарский сообщил в Ленсовет, что художнику Б.М. Кустодиеву предоставлена правительственная субсидия в размере 1000 долларов, он был также направлен для лечения в Берлин.

В мае 1927 г. во время автомобильной поездки за город к А.Н. Толстому в г. Пушкин Б.М. Кустодиев простудился. У него развилась пневмония. Состояние быстро ухудшалось, и 26 мая он скончался.

Безусловно, болезнь не могла не отразиться на творчестве мастера. Именно в период болезни Б.М. Кустодиевым были написаны полотна, прославившие его как живописца. Высокая потребность в активной жизни при невозможности самому передвигаться, прикованности к креслу-каталке, почти постоянном пребывании в замкнутом пространстве квартиры не могла не отразиться в его живописи. Живопись была, пожалуй, и способом уйти не только от физического недуга, но и от порой очень тяжелого душевного состояния. В одном из своих писем жене он писал: «...Я нездоров, ... все, чем другие живут, для меня уже невозможно... В жизни, которая катится так быстро рядом и где нужно себя всего отдать, участвовать я уже не могу — нет сил». Творчество позволяло на некоторое время забыть о боли, неподвижности, физической слабости. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что свое понимание полноценной активной жизни Б.М. Кустодиев воплотил в своих работах.

Ограниченность в передвижении художник компенсировал динамизмом в полотнах «Масленица» (рис. 6), «Зима. Масленичное гуляние» (рис. 7), «Весна», «Лето. Прогулка», «Балаганы» и многих других. Даже в его знаменитом портрете Ф.И. Шаляпина, написанном в 1921 г., много движения — пляски, представления клоунов и силачей, катание на лошадях, звенящий смех, словом, все, что

Рис. 7. Б.М. Кустодиев. Зима, масленичное гуляние, 1919 г.
Fig. 7. B.M. Kustodiev. Winter, Maslenitsa carnival, 1919 year.

бывает на народных гуляниях во время русских праздников. Наверное, тот фон, который был выбран при написании портрета великого певца, не только подчеркивал народный характер творчества Ф.И. Шаляпина, но и был реализацией своей собственной неподвижности.

Именно в период болезни на многих полотнах художника царит «брейгелевское» представление. Трудности любых передвижений, особенно в период гражданской войны и разрухи, заставляли его большую часть времени находиться дома. Но несмотря на это круг общений и привязанностей художника не сократился. А потребность в общении с людьми, в многообразии мироощущения воплощалась через народные гулянья, праздничное и будничное многолюдье в большинстве работ Б.М. Кустодиева. Подтверждением этого являются слова самого художника, сказанные о своей картине «Балаганы»: «Никогда не сетовал так на свою болезнь, которая не позволяет мне выйти на улицу, — ведь такой улицы надо столетиями дожидаться».

Сам же Ф.И. Шаляпин очень высоко ценил талант Б.М. Кустодиева: «Много я знал в жизни интересных, талантливых и хороших людей. Но если я когда-либо видел в человеке действительно высокий дух, так это в Кустодиеве...». Известно, что Федор Иванович предложил художнику создать декорации и костюмы к «Вражьей силе». «Я отправился к нему с этой просьбой... Он предложил мне сесть и руками передвинул колеса своего кресла поближе к моему стулу. Жалко было смотреть на обездоленность человечью, а вот ему как будто она

Рис. 8. Б.М. Кустодиев. Русская Венера, 1926 г.
Fig. 8. B.M. Kustodiev. The Russian Venus, 1926 year.

была незаметна: лет сорока, русский, бледный, он поразил меня своей бодростью...», — вспоминал Ф.И. Шаляпин. Сам Б.М. Кустодиев, несмотря на невероятные мучения, не поддавался болезни. В одном из писем режиссеру В. Лужскому художник писал: «Только ради бога, Василий Васильевич, не говорите о моей болезни никому — а, напротив, что я здоров, а главное, весел, впрочем, это правда, несмотря на ужасные боли, — я сам удивляюсь на свою жизнеспособность и даже жизнерадостность. Уже очень люблю, видно, «жить!!»

Современников поражала стойкость и жизнерадостность мастера. Писатель Е. Замятин, посетивший Б.М. Кустодиева в двадцатые годы, писал: «День был морозный, яркий, от солнца или от кустодиевских картин в мастерской было весело: на стенах розовели пышные тела, стлались зеленые летние травы, — все было полно радостью, кровью, соком. А человек, который напоил соками, заставил жить все эти полотна, сидел возле узаконенной в те годы «буржуйки» в кресле на колесах, с закутанными мертвыми ногами и говорил, подшучивая над собой: «Ноги что... предмет роскоши. А вот рука начинает побаливать — это уже обидно...».

Художник вынужден большую часть своего времени проводить в четырех стенах и часто на больничной койке. Может быть, именно поэтому в его работах много пространства и света. Мастер любит небо, делает его насыщенным облаками, тучами, дождем, радугой, птицами, а взор обязательно соединяет небо с землей и человеческой фигурой и поэтому делает его доступным и близким — это нереализованное при будничной жизни и подсознательно воплощенное в картинах преодоление ограничения в пространстве. В одном из своих писем В. Лужскому художник писал: «Так как мир мой теперь только моя комната, так уж очень тоскливо без света и солнышка. Вот и занимаюсь тем, что стараюсь на картинах своих это солнышко, хотя бы только отблески его, поймать и запечатлеть». Б.М. Кустодиев как-то сказал: «Меня называют натуралистом — какая глупость! Ведь все мои картины сплошная иллюзия!... Мои картины я никогда не пишу с натуры, это все плод моего воображения, фантазии. Их называют «натуралистическими» только потому, что они производят впечатление действительной жизни, которую, однако, я сам никогда не видел и которая никогда не существовала...».

Художника посещал и Иван Петрович Павлов, чья лаборатория была по соседству с домом, в котором жил Б.М. Кустодиев. Ученый очень высоко ценил созданные художником образы русской провинции и приобрел некоторые его работы.

Сюжет, колорит красок, композиция полотен, фигуры и их движение — все это являлось сначала характерной для живописца формой представления о жизни, а затем — средством преодоления болезни и реализацией своих желаний, приобретая более очерченные формы (рис. 8). Один из знатоков творчества Б.М. Кустодиева — Виктория Лебедева — справедливо заметила, что в преодолении болезни работы художника

не несут никакого следа ущербности, сам мастер сохранил до последних дней всю полноту творческих сил и всю полноценность мироощущения своей жизни.

Встречаясь с разными врачами, Б.М. Кустодиев запечатлел некоторых из них. Им написаны портреты докторов К.М. Попова, Х.Я. Закина, Б.В. Элькана. В Третьяковской галерее находится портрет профессора В.В. Крамера — художник донес до нас образ одного из основоположников отечественной нейрохирургии.

Тяжелая болезнь так или иначе накладывает отпечаток на жизнь любого человека, изменяя характер, поведение, определяя мотивы поступков, уклад жизни. И в заключении слова двух русских художников о Б.М. Кустодиеве — М. Добужинского и М. Нестерова: «Память, фантазия

и работоспособность его были беспримерны. Он уходил в свой мир тихой и обильной жизни Поволжья, быта купцов и купчих, радостных пейзажей с полями, залитыми солнцем, масляничных гуляний с тройками и березами в иине, гостиных дворов его небывалого русского города» и «Был у бедного Кустодиева. Он прикован к креслу и кровати, но энергия его неукротима».

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгополов И.В. Рассказы о художниках. — М., 1975. — С. 401—431.
2. Крылов В.В. Заметки о болезни и творчестве Бориса Михайловича Кустодиева // Неврологический журнал, 1998. № 3. С. 50 — 53.
3. Лебедева В. Борис Кустодиев. — М., 1997.
4. Турков А.М. Борис Михайлович Кустодиев. — М., 1986.
5. Эткинд М.Г. Борис Кустодиев. — М., 1982.